

Карл Кантор.

Я — это государство³

В ничем не примечательном 1976 году на небосклоне мировой литературы возшла новая звезда русского искусства. Но только теперь ее свет дошел до России, ибо создатель ее, Александр Зиновьев, немедленно вслед за своим шедевром был выдворен за пределы Отечества. Казалось бы, все самое страшное о бедствиях народа нашего было уже рассказано. «Архипелаг ГУЛАГ» потряс общественность Запада. И все же из книги «Зияющие высоты», в которой нет изображения концентрационных лагерей, организованного властями голода, изощренных пыток, массовых расстрелов, а описывается обыденщина крысиной возни либеральничающей идеологической обслуги партократии, читатель впервые узнал о глубинных и неумолимо действующих законах социального бытия, определяющих все возможные варианты сознания и поведения людей «реального социализма», будь они в тюрьме или «на воле».

Эта книга явилась одновременно и научным, и художественным открытием того, чем на самом деле является общество, в котором государство полностью подчиняло себе индивида и каждый самый маленький коллектив (из которых, как из клеточек, состоит государственный организм), поглотило отдельную личность. Такая книга могла быть создана только человеком, прошедшим все круги тоталитарного ада, и не просто, сопротивляясь, физически сохранившимся, но сумевшим сформировать себя как самобытную, духовно богатую творческую личность. Именно таким стал крестьянский сын Александр Александрович Зиновьев — истинный, не по профессорскому диплому, философ, разработавший свою систему логики, открывший фундаментальные социологические законы, создавший новый литературный жанр — социологический роман, а в литературе — новый, научный стиль образного мышления.

Антисталинистом Зиновьев стал еще в последних классах школы, в предвоенные годы. По «дружескому» доносу был арестован. Сумел убежать из-под стражи и год, скрываясь, бродяжничал по России,

Мало кто знает, что кандидатская диссертация о диалектическом методе «Капитала», с триумфом защищенная А. Зиновьевым в 1954 году в трехкратном поединке с сановным Ученым советом, стала у нас едва ли не первым сочинением самиздата. Зиновьевым зачитывались, его изучали, его мысли присваивали, становясь кандидатами, докторами, членкорами.

³ Послесловие к: А. Зиновьев. Зияющие высоты. М., 1990.

Когда же его в 1978 году выдворили из страны, многие его ученики отреклись от него в испуге за собственную судьбу.

По иронии судьбы Александр живет теперь в гостеприимном, демократическом Мюнхене, в том самом, где в 20-е годы зародился гитлеризм, против которого Зиновьев, враг отечественного национал-социализма, героически сражался танкистом и летчиком в Отечественную войну.

Здесь, в Мюнхене, в течение последних 12 лет Александр Зиновьев создал более двадцати книг, вполне самостоятельных, но и как бы перетекающих одна в другую, связанных единством тем, персонажей, образующих в совокупности то, что я назвал бы трагикомической эпопеей «реального социализма», доведенной до сегодняшних дней. Они переведены на многие языки. У них громадная читательская и зрительская аудитория, да и зрительская, ибо автор сам иллюстрирует свои произведения (а выставки талантливейшей живописи выделяют его среди популярных художников Запада).

Лакейское искусство «социалистического реализма» не знало ни сатиры, ни трагедии. Свободное искусство о «реальном социализме» — искусство А. Зиновьева — не могло не объединить в себе сатиру и трагедию: сатиру на общество и трагедию личности.

Подобно автору «Гаргантюа и Пантагрюэля», А. Зиновьев воссоздал стихию народной «смеховой культуры», но уже советского общества, его бессмертное «гротескное тело».

Можно сказать, что А. Зиновьев возродил сатиру как высокий философский и демократический жанр искусства. Но не только сатиру. Другой лейтмотив его творчества — трагедия личности, неизбежная во всякой социальной организации во самой ее антиличностной природе, и особенно в деспотической, тоталитарной, которую с помощью сатиры можно понять, осмеять, внутренне возвыситься над ней, но очень трудно изменить к лучшему или тем более полностью преодолеть.

Как быть индивиду? Что сделал главный герой всех книг А. Зиновьева — он сам? И какой пример подаст каждому из нас?

От эмоционального и морального протеста против сталинизма А. Зиновьев с годами перешел к созданию его всесторонней рациональной концепции, к созданию науки о коммунизме не как социальном проекте, который в официальной идеологии изображался «наполовину» уже воплощенным, а как специфической реальности.

Сталин с несравненно большим основанием, чем хвастливый французский король Людовик XIV, мог сказать о себе: «Государство — это я». Но кто из подданных диктатора, кто из «малых сих» отважился бы создать себя самого как самостоятельное, независимое государство? Кто мог бы сказать: я, не обладающий властью над другими людьми, не желающий ничего «своего», кроме «свежевымытой сорочки», не повелевающий ни партией, ни армией, ни тайной полицией, есть неприступное государство? Рассказывают, Маяковский, повстречавшись, кажется, с Ю. Тыняновым, предложил: «Давайте поговорим как держава с державой». Увы, полного суверенитета великий поэт не добился, да, наверное, тогда, на подъеме Революции, и не хотел, наступив на горло собственной песне.

Теперь другие времена. Республики СССР провозглашают государственный суверенитет. Еще важнее суверенитет каждого индивида. Во всяком случае именно в этом состоит главный урок Александра Зиновьева. Свои воспоминания, опубликованные недавно во Франции, он так и назвал: «Я — суверенное государство».

Возможна ли самостоятельная личность, особенно в таком обществе, как наше, без души, а значит, без Бога, этой отчужденной от себя идеальной Души, с которой индивид соотносит свои мысли, чувства, поступки, а значит, в конечном счете и без религии, без своей религии, как бы ни близка она была к другим традиционным верованиям? Религиозная интуиция, религиозная потребность неистребимы, даже если обходятся без веры в загробное царство. А. Зи-

новьев создал свою собственную религию, с заповедями, близкими христианским, но все же отличными от них. Он жил и живет согласно этим заповедям, благодаря чему он, гениальный «юродивый» советской философии и литературы, сумел противостоять безмозглому Левиафану.

Одна из самых вдохновляющих книг Александра Зиновьева — «Иди па Голгофу», в которой описана земная и только земная жизнь (небесной у него нет) нового «Бога», современного русского «Бога» Ивана Лаптева, по имени которого новая религия названа «иванизмом», или «лаптизмом». «Иди на Голгофу» — это гротескный, почти абсурдистский автопортрет автора и одновременно обращение к каждому из нас: стань человеком, а для этого пройди своим крестным путем.

Многолетняя, со студенческой скамьи непрерываемая дружба дает мне счастливые право и обязанность сказать эти несколько слов о друге, которого я считаю и учителем.